

Ф. Буйе

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРАНИЦЕ В КИТАЕ И РОССИИ: ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ

В статье пересматривается традиционное социополитическое представление о том, что возникновение национального государства вело к концептуальному переосмыслению понятия «граница». Сначала граница представлялась в виде размытой линии («фронтир»), устремляющейся наружу и постепенно сливающейся с пространством другого государства, затем ее очертания принимают форму подвижной линии («граница»), однозначно разграничивающей Своих и Чужих. Рассматривая примеры восприятия концепта «граница» через лексику, существующую в России и в Китае, статья показывает, что лексические средства, доступные русским и китайцам, указывают на радикально противоположные их точки зрения о данном вопросе. В то время как русская терминология, как и большинство европейских языков, определяет границу в основном как линию между государствами, у китайцев восприятие термина «граница» демонстрирует намного большую пространственную зональность. Данная работа доказывает, однако, что отличия, существующие в понимании «границы» у рассматриваемых народов, не являются противоречащими друг другу особенностями, связанными с их историко-культурными различиями, напротив, понятия китайцев и русских о «границе» скорее способны сосуществовать и даже взаимодополняться, нежели противостоять друг другу.

Ключевые слова: граница, рубеж, национальное государство, семантическое поле, Китай, Россия.

Keywords: border, frontier, Nation State, semantic landscape, China, Russia.

Введение

С постепенной нормализацией российско-китайских отношений в начале 1990-х гг. у граждан обеих стран вновь появилась возможность пересекать государственную границу. После нескольких десятилетий

физической непроницаемости границ местные жители возобновили коммерческие отношения, исторически характеризующие социально-экономическую жизнь в Маньчжурии: толпы русских устремились в Китай, охотясь за товарами, отсутствующими в России, множество китайцев пересекли российско-китайскую границу в поисках работы.

Присутствие китайцев на российской земле начало вызывать опасения по поводу распространяющейся китаизации региона и его возможной последующей балканизации. Многие политики, особенно в Приморском крае, стали использовать антикитайскую риторику для привлечения голосов избирателей, а для газетных статей обычным становится предупреждение читателей об опасности проникновения на территорию России китайцев «небольшими группами по сто тысяч человек в каждой».

Если, бесспорно, демографический дисбаланс и является частью этого уравнения — 6,3 млн. коренных жителей российского Дальнего Востока в сопоставлении с 38,3 млн. китайцев, проживающих в соседней провинции Хейлунцзян, — автор предполагает, что опасения русских не могут быть полностью объяснены одной только демографией. Озабоченность по поводу китайского вторжения действительно тесно связана с опасениями правительства: Москве становится все труднее и труднее осуществлять контроль над этими отдаленными территориями. Как отметил Виктор Дятлов, антикитайские настроения проявляются сильнее по мере удаления от границ*.

Как будет показано далее, эти опасения связаны и с тем, насколько по-разному русские и китайцы понимают саму идею границы. Если китайский язык демонстрирует большое разнообразие для обозначения границ и рубежей, иногда характеризуя их как линии, а иногда — как регионы или зоны, то лексические средства русского языка гораздо менее богаты и, как правило, ограничиваются описанием границы как линии. В работе показано, что последнее может привести к менее гибкому межкультурному взаимодействию, а также к концептуализации государственной границы как хрупкой зоны, нуждающейся в защите. Китайское же понятие границы часто основывается на существовании некоего числа простирающихся вовне, подвижных поясов контакта, подобных окружностям, в результате чего различия между «Собой» и «Другим» часто воспринимаются не как что-то твердое и незыблемое, а как объект для ведения диалога и переговоров. Автор статьи стремится показать, что два противоположных взгляда на границу, в настоящее время про-

* Дятлов шутливо заметил, что москвичи часто представляют его родной Иркутск городом, наводненным китайцами, которые якобы разгуливают по улицам в большем количестве, чем сами местные жители (В. Дятлов, из частного разговора).

являющихся на маньчжурской границе, не коренятся в существенных культурных различиях между Россией и Китаем. Два понятия границы — в виде линии и в виде зоны — не являются взаимоисключающими, а часто сосуществуют. Языковой ландшафт русского и китайского языков, касающийся границ, отражает текущие интересы, а также сильные и слабые стороны двух государств.

Беспокойство на / о границе

После прихода к власти в 1949 г. коммунистического правительства Китай был настроен решить многочисленные пограничные споры с соседними странами. Наиболее острые разногласия с Северной Кореей, Монголией, Бирмой, Непалом, Пакистаном и Афганистаном были улажены в период с 1960 по 1963 гг. Что же касается некоторых пограничных споров, особенно относительно территорий, прежде входивших в состав Советского Союза, то их разрешение произошло совсем недавно. Так, в 1991 г. было подписано китайско-советское соглашение о границе, которое положило конец многолетним территориальным спорам с Россией и привело к подписанию итогового соглашения в октябре 2004 г. (Foucher 2007: 33). Договоры о размежевании за последние два десятилетия были также подписаны Китаем с центральноазиатскими соседями: Кыргызстаном (1996 г.), Казахстаном (1994 г.) и Таджикистаном (1999 г.) (Pan 2009: 95). Даже если в некоторых из этих документов Китай и демонстрирует свою политическую мускулатуру, объявляя значительные территории Таджикистана, Казахстана и Кыргызстана своими, сами по себе эти усилия свидетельствуют о готовности страны урегулировать все еще не решенные вопросы и нормализовать пограничные отношения с соседями. Действительно, если нормализация границ финансово выгодна, поскольку это существенное условие для развития приграничной торговли (Simmons 2005: 842–843), то участие Китая в решении территориальных споров — яркое свидетельство его желания показать себя хорошим соседом. Как отмечает М. Фравель, «компромиссы со стороны Китая всегда были значительными, т. к. в соответствии с ними Китай обычно соглашался принять меньше половины оспариваемых земель. Более того, результатом таких компромиссов было подписание договоров, по которым Китай отказывался от возможных ирредентистских претензий на земли, площадь которых составляет более 3,4 млн км² и которые были частью империи Цин в период ее расцвета (начало XIX в.)» (Fravel 2008: 2). Но, несмотря на упорство Китая в приверженности процессу «мирного роста» (*heping jueqi* 和平崛起), многие из его соседей с беспокойством продолжают наблюдать за прогрессом страны и зачастую подозревают Китай в вынашивании империалистических планов.

Например, все тревоги Монголии, связанные с расширением ее культурно-политической независимости, сфокусированы на Китае (Batbayar 2005): иллюзия о китайском вторжении и слухи о происках китайцев вездесущи (Billé 2008). Такое же представление бытует и в дальневосточных регионах России. Ученые, исследующие представления россиян о рабочих-мигрантах из Китая (Дятлов 1999; 2008; Larin 2005; Alexseev 2001; 2006), отмечают, что широко распространены страхи перед огромным числом прибывающих китайцев, якобы стремящихся остаться жить на нелегальном положении и способствующих, таким образом, наступлению демографического сдвига, что в конце концов может привести к балканизации региона и отделению восточной части России в пользу Китая. И хотя подобные опасения отчасти обоснованы демографической несбалансированностью Китая и восточной части России, хотелось бы отметить, что подозрения «в вынашивании Китаем империалистических планов» могут быть результатом разных представлений о границе в Китае и в России. Поскольку, несмотря на стремление Китая уладить пограничные споры и нормализовать отношения со всеми соседями, китайский подход к решению вопросов, касающихся границ, отличается от российского и монгольского.

Сформулировать устраивающее всех определение термина «граница» представляется затруднительным, поскольку этот термин может обозначать как политическую границу государства, так и границу этнокультурных регионов, населенных людьми той или иной народности, — а эти два явления редко имеют одинаковую пространственную протяженность. В английском языке существует различие между словами «border» и «frontier», где первое обозначает официальную государственную границу, а второе — процесс расширения политического пространства государства, например, западные рубежи экспансии Америки в XVIII–XIX вв. или рубежи продвижения Российской Империи в Сибирь*. Под термином «рубеж», который может относиться и к политическому разграничению двух стран, и к разграничению обжитых и необжитых частей одной страны, в обоих случаях подразумевается некая зона (Prescott 1987: 36). По мнению Т. Вилсона и Х. Доннана, «рубежи — это территории различной площади, которые простираются от границ в глубь страны, где люди устанавливают различные формы поведения, соответствующие их членству в той или иной нации или государстве» (Wilson, Donnan 1998: 5). Диссонанс между произвольностью политических гра-

* Английское слово «frontier» происходит от французского «frontière», которое этимологически связано со словом «front» (фронт) в военном значении. Отсюда «frontier» — линия, отделяющая «своих» от «врагов» — по определению, в высшей степени подвижная разделительная линия.

ниц и реальностью существования этнокультурных регионов, через которые проходят эти границы, — благодатная почва для антропологических исследований, поскольку само существование приграничных (пороговых) территорий, «разделенных линиями границ между государствами» (Ibid: 50), помогает обуздать национальные фантазии о полной геополитической и культурной обособленности.

В данной работе основное внимание будет сосредоточено на «понятийном противостоянии», если так можно выразиться, терминов «border» и «frontier» и их применимости к русско-китайской границе. Ниже мы продемонстрируем, что разница между этими двумя понятиями начинает ощущаться, когда проводится лингвистическое сравнение терминов, используемых в настоящее время в русском и китайском языках в случае, если речь идет о границе. Если в русском языке таких терминов немного, то китайская лексика предлагает огромный выбор слов и выражений, обозначающих разные пространственные единицы. И если в русском языке под «границей» подразумевается устойчивая линия, то для китайцев «граница» — нечто более расплывчатое, неопределенное, зональное, если угодно. Вероятно, нельзя говорить о преобладании какой-то одной этнокультурной модели: обе они существуют и вступают во взаимодействие.

Одним из наиболее явных индикаторов того, насколько разным может быть современное представление о границе у русских и китайцев, является эмоциональная окраска, которую приобретает это слово в китайском или русском языке. В то время как северо-восточная граница с Россией рассматривается китайцами преимущественно как «граница возможности», место, где зарождаются коммерческие связи и заключаются выгодные контракты, российские СМИ границу с Китаем зачастую ассоциируют с нелегальной иммиграцией и преступностью, порождая, таким образом, в общественном сознании образ границы как источника постоянных тревог. Это противоречие, при котором китайцы проявляют себя более расторопными и предприимчивыми, а русские как бы занимают постоянную оборонительную позицию, нашло, вероятно, свое отражение и в лингвистической сфере: больше китайцев владеет русским языком, чем русских — китайским.

Несомненно то, что страх россиян перед наплывом китайцев связан с демографической обстановкой и быстро развивающейся экономикой Китая. Русские нередко воображают, как массы китайцев, воодушевляемые к эмиграции государственными инициативами, «давят» на границы. Этот страх обостряется еще и ситуацией внутри самой России: если Китай видится как бы рвущимся по швам, испытывающим острый дефицит земли, то российские дальневосточные регионы, наоборот, — истощившимися, ослабленными и брошенными государством (Hill,

Gaddy 2003). Именно это сочетание, это чувство брошенности рядом с густонаселенным, якобы стремящимся вернуть свои некогда утраченные земли Китаем, и порождает подобные страхи. В.И. Дятлов (Дятлов 2008) утверждает, что появление китайских рабочих-мигрантов изображается как «второе пришествие», возобновление дореволюционной миграционной тенденции, которая была остановлена советским правительством*. Другими словами, присутствие китайцев на российской территории рассматривается как показатель демографической мощи Китая, так и слабости российского правительства, неспособного сократить их поток. Похожее объяснение российской обеспокоенности приводит и М. Алексеев. Он считает, что бытующая неуверенность в способности правительства к каким-либо действиям превращает преувеличенные страхи в осмысленную психологическую стратегию выживания (Alexseev 2006: 46).

Мы склонны согласиться с утверждением о том, что страхи эти и в самом деле чрезмерно преувеличены: исследования, проведенные местными учеными, показали, что они не подтверждены фактами (см. Alexseev 2006: 2–15). По заявлениям российских СМИ, китайские мигранты регулярно уклоняются от иммиграционного контроля и остаются жить в России, однако имеющиеся данные рисуют совершенно иную картину**. В Приморском крае в 2000 г. только 82 китайца не возвратились домой, что составляет 0,03 % от общего числа граждан Китая, посетивших регион за весь год. В следующем, 2001 г., число не возвратившихся упало до 15 человек, что составляет около 0,01 % (Larin 2005: 51). То есть вместо нашествий, рисуемых российскими СМИ, мы видим, что большинство китайцев, находящихся на российском Дальнем Востоке, обычно пребывают там до момента окончания действия их контракта, а затем возвращаются домой (Дятлов 2008). Это подтверждают и данные опросов, проведенных среди них: респонденты указали, что не рассматривают данный регион как место для долговременного проживания (Hill, Gaddy 2003: 181). Китайские исследователи стараются не путать их с иммигрантами в традиционном смысле этого слова (*yimin* 移民) или с теми китайскими гражданами, кто временно проживает в России (*huaqiao* 华侨), предпочитая вместо этого определять их как иностранных рабочих (*waipai laowu* 外派劳务) (Wishnick 2005: 80).

* Дятлов обращает внимание на то, что эти представления часто сознательно используются «заинтересованными сторонами» по разным личным и политическим причинам.

** В столице Сахалина уличные выступления против китайского засилья привели к повсеместным рейдам, в результате которых было выявлено лишь немногим больше десятка китайских граждан, нарушающих закон (Alexseev 2006: 142).

В объяснении подобных настроений большое значение имеют демографическая несбалансированность и социоэкономические факторы: похожие опасения перед китайской экспансией широко распространены и на Сахалине, несмотря на присутствие там лишь нескольких сотен китайцев (Larin 2005: 58). Следовательно, причина этих страхов совершенно другая. Угрозы, якобы исходящие от Китая, в значительной степени принадлежат к «миру воображаемого» (см. Lapan 1966): «Китай, каким он мог бы быть...», — как выразился Ломанов (Lomanov 2005: 71). Учитывая то, что Китай не имеет территориальных притязаний* и даже наоборот, делает попытки решить имеющиеся проблемы, а также то, что истинное число китайцев вряд ли представляется угрожающим (на российском Дальнем Востоке процент китайских рабочих никогда не превышал 0,02 % от общего числа рабочей силы** (Larin 2005: 55)), «китайское нашествие» представляет собой не столько социоэкономическую угрозу, сколько особый формат официального дискурса и воображаемую преднамеренность.

Авторская гипотеза состоит в том, что эта несогласованность связана с разным пониманием концепта «границы» в России и Китае. Или, конкретнее, эти страхи возникают не столько в результате агрессивности или империалистических планов Китая, сколько из-за того, что в Китае понимание «границ» гораздо больше зависит от контекста. Прежде чем мы рассмотрим эту проблему более подробно, будет полезно провести краткое сравнение лексических средств русского и китайского языков, используемых для обозначения границы.

Лингвистический аспект

В современном русском языке понятие границы выражается двумя во многом синонимичными терминами: «граница» и «рубеж». Слово «граница» этимологически связано со словом «грань», а «рубеж» происходит от «рубить» и раньше было синонимом слова «зарубка» (Шанский, Боброва 1994). Семантические поля, очерченные этими терминами, демонстрируют некоторую степень схожести: английское «border» так же противостоит по значению «frontier», как русское «граница», подразумевающее линейную демаркацию, противостоит «рубежу», обозначающему нечеткое различие между самим собой и другими. Однако во многих лингвистических контекстах наблюдается тенденция к замене «рубежа»

* Хотя это и не является официальной позицией Китая, некоторые круги такие заявления все же делают.

** Начавшиеся в 2005 г. изменения в расчетных методах увеличили это число с 3 % до 4 % для Амурской области (Н.П. Рыжова, из частного разговора).

«границей»*. Другими словами, сдвиг в семантическом ландшафте, касающемся границ (а конкретно — «облинеивание» этого понятия), различим при рассмотрении лексических средств русского языка. Эта линейность особенно заметна в русских прилагательных (*пограничный*, *приграничный*), которые передают образ зафиксированной линии. То же самое наблюдается в словах «заграничный», «за границей» и «за рубежом», которые посредством предлога «за» четко изображают границу как линию, а не как зону.

Китайский язык, современный лексический ландшафт которого значительно богаче (см. табл. 1), представляет в этом отношении резкий контраст. Основными лексемами, используемыми для обозначения границ, являются *jiè* (界), *jìng* (境), *jiāng* (疆) и *biān* (边), которые в сочетании друг с другом и другими иероглифами образуют большую группу слов. Если *jiè* и *jìng* ясно обозначают границу как прямую линию, то *jiāng* и *biān* более полисемантчны. Самостоятельно *jiāng* может обозначать и границу, и владение (например, название провинции Синьцзян (新疆), которое дословно переводится как «новое владение»). По аналогии с этим слово *biān* может переводиться по-разному в зависимости от контекста. Его первоначальное значение «сторона», но в сочетании с другими иероглифами оно также может обозначать и границу, и предел, и край и кромку, например: *biānjiè* 边界 «территориальный предел», *biānjìng* 边境 «приграничная зона», *biānjiāng* 边疆 «приграничные земли», *biānmín* 边民 «жители приграничных областей», *biānqū* 边区 «приграничная область». Таким образом, лексическое богатство китайского языка указывает на то, что граница представляет собой что-то значительно более зональное и менее линейное. Если в русском языке наблюдается тенденция замены «рубежа» «границей», то многочисленные китайские термины создают представление о границе и как о линии, и как о пороговой зоне, и как о крае**. Это, как нам видится, очень сильно влияет на способ, которым говорящие выражают понятие границы, и помогает понять, что подразумевают под словом «граница» русские и китайцы. В первом случае граница — четкий национальный и этниче-

* Термин «рубеж» никогда не употребляется, если речь, к примеру, идет о границе с другой нацией. Фактически его использование сводится лишь к образованию таких словосочетаний, как «за рубежом».

** В основе лингвистического ландшафта, изображенного нами, лежат термины, используемые в русском и китайском языках, однако вдоль протяженной маньчжурской границы живут некоторые национальные меньшинства, и их понимание «границ» не обязательно совпадает с пониманием доминирующего большинства. Так, монгольские *обо*, которыми усыпана территория, обозначают как физические, так и духовные границы.

**Семантический ландшафт китайского языка
для обозначения термина «граница»¹**

边 (biān: сторона, край, межа, граница, предел)	
边界	biānjiè — территориальная граница, граница
边境	biānjìng — приграничная территория, рубеж
边境线	biānjìngxiàn — демаркационная линия
边疆	biānjiāng — приграничная территория, пограничная область, рубеж
边缘	biānyuán — край, окраина, периферия
边沿	biānyán — край, окраина, межа
边民	biānmín — переселенец
边区	biānqū — приграничная область, приграничный район
边塞	biānsài — пограничный форт, крепость
界 (jiè: предел, охват)	
国界	guójiè — государственная граница
疆界	jiāngjiè — граница, предел
分界线	fēnjièxiàn — граница, предел
界限	jièxiàn — демаркационная линия
境 (jìng — граница, предел)	
国境	guójìng — национальная территория, граница
国境线	guójìngxiàn — государственная граница
边境	biānjìng — приграничная территория, рубеж
境界	jìngjiè — предел, область
疆 (jiāng — граница, предел, владение)	
疆域	jiāngyù — территория
边疆	biānjiāng — приграничная территория, пограничная область, рубеж
疆界	jiāngjiè — граница, предел
缘 (yuán — межа, край)	
边缘	biānyuán — край, окраина, периферия
塞 (sài: стратегический проход)	
边塞	biānsài — пограничный форт, крепость

¹Заголовки в таблице — скорее морфемы, нежели слова *stricto sensu*. Их семантика уточняется посредством объединения с другими морфемами, в результате чего образуются слова, в качестве примера приведенные ниже в таблице.

ский разделитель, который может быть нарушен и требует защиты*, во втором — зона с неясными очертаниями, временами изобилующая возможностями, временами таящая опасность.

Образование китайского государства часто изображается как процесс постепенной внешней экспансии, медленно поглощающей отдаленные земли (Fairbank 1968; Tu 1994) — китаизации или «переваривания» окружающих варварских племен (Fiskesjö 1999). Из центра китайской цивилизации, находящегося на Северо-Китайской равнине, Китай видится «серединой вечно расширяющихся концентрических кругов пограничных земель» (Potter 2007: 240). Центр (или «сердцевина»), как было замечено Оуэном Латтимором (Lattimore 1967: 41-420), был известен как «центральная долина» (*zhongyuan* 中原) или «внутренний Китай» (*neidi* 內地) и относился к густонаселенному этническому ханьскому региону, простирающемуся с севера на юг вдоль побережья Тихого океана. Периферия, также известная как «рубежи» (*bianjiang* 边疆) или «внешний Китай» (*waidi* 外地), охватила этот ханьский центральный район на север, запад и юго-восток.

Процесс китаизации является проблематичным, поскольку подразумевает однонаправленную трансформацию и ассимиляцию (Crossley, Siu, Sutton 1991: 6; Billé 2009). Однако нас здесь больше интересует возможная живучесть этой модели. Большая часть опасений, связанных с Китаем, действительно, вращается вокруг идеи, согласно которой Китай продолжает считать себя культурным центром с исходящими во все стороны лучами. Согласно этой идее, формальное определение национальных границ и решение проблем, связанных с границами, продолжает сосуществовать с вечнодвигающимся вперед фасадом.

Выше мы определили «границы» как территориальные ограничители государства, а «рубежи» — как процесс экспансии политического организма. Этнографические материалы из разных частей света (например, из Юго-Восточной Азии (Carsten 1998) или Европы (Wilson, Donnan 1998: 8–9)) свидетельствуют о том, что исторически нации определялись по своим культурным центрам и назывались согласно «вассальским отношениям между людьми, а не просто в результате картографирования пространства» (Carsten 1998: 218). И только позже, по мере того, как расширились нации и уменьшалось количество ничейных земель, были сделаны попыт-

* Это может в какой-то мере объяснить оборонительный дух, который так часто демонстрируют русские, и их нежелание учреждать совместные предприятия. М.А. Алексеев (Alexseev 2006: 238) отмечает, например, что российская боязнь китайских браконьеров, воруемых русских лягушек, препятствует возникновению бизнеса по разведению и отлову лягушек для удовлетворения огромного спроса, существующего на китайском рынке.

ки «решить эту проблему путем установления точных границ» (Prescott 1987: 46)*. Далее, из такого ориентированного на людей понимания последовал процесс «территориализации» государства (Sahlins 1998: 37), т. е. изменения представлений о нации: она стала представляться общностью, сформированной на основе отношений между людьми и постепенного слияния физической и культурной составляющих государства.

С давних времен взгляды китайцев на пограничные территории были скорее негативными: это были места ссылок, места зарождения кризисов и катастроф (Woodside 2007: 21–22). Эти территории, населенные людьми неханьского происхождения и формально считавшиеся национальными, часто рассматривались и продолжают рассматриваться как «не совсем китайские». Такое несоответствие политических границ и этнокультурных рубежей имеет создающее влияние на то, как общество относится к территориям за пределами современной КНР. Такие регионы, как Монголия или части российского Дальнего Востока, в особенности Приморский край, рассматриваются не как китайские, а как не полностью иностранные**. «Отколовшиеся» — как часто именуют их китайские националисты (см. Zhang 2005: 110–111) — представляют собой пороговые регионы, в настоящее время находящиеся не под китайским контролем, но имеющие сильные культурные и исторические связи с Китаем (см. Nelson 1995). Использование Китаем исторического опыта в качестве официальной государственной доктрины и частое настаивание на том, что Китай — страна с самым продолжительным непрерываемым существованием, а также упоминания в исторических и археологических источниках о том, что эти отдаленные регионы некогда были китайскими (больше в национальном, нежели этническом смысле), нередко интерпретируются в российском общественном дискурсе как территориальные притязания***. Для русских, живущих на российском Дальнем Востоке, китайское присутствие — феномен скорее политический и стратегический, чем социальный, экономический

* Отправной точкой в этом концептуальном сдвиге считается «вестфальский мир» — договор о мире, подписанный в 1648 г. и установивший современную государственную систему (Pan 2009: 20).

** Тот факт, что во времена династии Мин титулы даровались племенным группам, живущим на далеких территориях у реки Уды и побережья Охотского моря (Waldron 1990: 75), стал логическим обоснованием того, почему обширные территории Сибири рассматриваются Китаем «исторически китайскими».

*** Существует некоторая путаница между притязаниями КНР и притязаниями националистического правительства Тайваня. Последнее действительно предъявляло претензии к Внутренней Монголии, Туве и некоторым частям российского Дальнего Востока.

или культурный (Larin 2005: 48). Враждебные намерения часто усматриваются и в факте существования китайских версий названий российских областных центров (Alexseev 2006: 111). По традиции, китайское название Владивостока — *Haishenwei* 海參崴, Хабаровск назывался *Boli* 伯力, а Уссурийск был известен как *Shuangchengzi* 双城子. Хотя и есть тенденция называть эти населенные пункты по-русски, т. е. *Fuladi-wosituoke*, *Habaluofisike* и *Wusulisike*, эти транскрипции не полностью заменили бывшие названия. Как заметил историк Джеймс Стефан (Stephan 1994: 19), в 70-х гг. прошлого века советские археологи и историки старались тщательно очистить от китайского присутствия территории, находящиеся внутри советских границ, переименовав более тысячи населенных пунктов.

Попытки советского, а позднее российского правительства провести четкое размежевание с Китаем и устранить любую двусмысленность, связанную с границей, также оставили свои следы на физической территории. На снимках, выполненных с воздуха и со спутника, ясно видно, что российская государственная граница имеет дополнительные параллельные разметки и линии защиты. Видны два вида разграничений: дублирование пограничной полосы, которое часто включает в себя вспаханные полосы земли (на определенных участках границы такое дублирование может охватывать территории площадью до нескольких километров), и укрепленные районы, обычно имеющие препятствия и / или минные поля*. Также на фотографиях, сделанных с воздуха, различим так называемый Северный Вал Чингисхана, 340-метровая разделительная линия, установленная чжурчжэньскими правителями во времена царствования династии Цзинь (1115–1234 гг.) при первой и неудачной попытке изолировать себя с севера от татарских и монгольских племен (Логвинчук 2006). Сегодня эта линия стала, по определению Прескотта (Prescott 1987: 14), «реликтовой границей» — заброшенной, но стойко переносящей произошедшие за время ее существования изменения ландшафта.

В противоположность этому, с китайской стороны нет подобного желания герметически изолировать себя от России и освободить национальную территорию от всего русского. К примеру, в старых кварталах Харбина сохранилось множество зданий, построенных русскими, не были разрушены во время Культурной революции и многочисленные православные церкви (см. Lahusen 2001). Более того, в последние годы город всеми силами старается превратить свое русское наследие в капитал: Харбин является на сегодняшний день одним из главных китайских

* Эта фортификационная зона в окрестностях Забайкальска была введена в действие в марте 1966 г. в результате раскола в советско-китайских отношениях.

центров торговли и культурных связей с Россией, одним из самых больших в Китае центров изучения русского языка, а также местом, где в Китае базируется главный новостной русскоязычный интернет-сайт.

Мы уже упоминали о том, что понятие границы, как это можно наблюдать в разных категориях китайского и русского языков, концептуализируется в российском и китайском самосознании по-разному. В то время как в России граница обычно представляется как неподвижная пограничная линия, для китайцев ограничители национального пространства характеризуются гораздо меньшей жесткостью. Естественно, на официальном политическом уровне границы Китая, как и российские границы, четко зафиксированы и подвергаются таможенному контролю. Однако наблюдаются ситуации, которые демонстрируют, что границы национального пространства могут быть еще более неопределенными. Например, монголы, живущие за пределами Внутренней Монголии, в разговорах с китайскими гражданами часто замечают, что последние не способны с полной уверенностью сказать, является ли Монголия частью Китая, или нет. Хотя такая реакция частично и может быть результатом смешения понятий «Монголия» (*Mengguo* 蒙古国) и «Внутренняя Монголия» (*Neimenggu* 内蒙古) (последняя является провинцией Китая) или отсутствия интереса к соседним нациям, воспринимаемым как экономически менее развитые, она, на наш взгляд, указывает на некоторые различия между физическими размерами государства и культурной сферой*.

Однако, как бы ни хотелось считать эту концептуализацию расплывчатости границ исключительно китайской, важно отметить, что представления китайцев о границе за всю историю существования страны претерпели значительные изменения. А в некоторые времена, как, например, во время царствования династии Мин, северные границы воспринимались как нечто более линейное и менее двусмысленное, чем во времена царствования предшествующей династии (см. Waldron 1990). Наше понимание китайских границ как зональных действительно может выглядеть противоречивым, если вспомнить о всевидящем присутствии Великой китайской стены — символа политической и культурной непрерывности**.

* Валдрон отмечает, что в ранний период истории Китая идея о четких границах была не особенно развита в китайской традиции. «Ранние тексты о границах Китая изъясняются достаточно туманно: в них идет описание не одной границы, а скорее системы зон». Точно так же «различия между людьми были не столько по качеству, сколько по степени этого качества» (Waldron 1990: 42).

** По вопросу Великой китайской стены как переходной зоны см. (Lattimore 1967), см. также (Waldron 1990) — по вопросу культурной интерпретации Великой китайской стены как сингулярной структуры.

По аналогии со сказанным ранее, кажущаяся «жесткость» российских границ с Китаем не всегда была таковой. В дополнение к упомянутым выше терминам «граница» и «рубеж» используется третий — «край», который ближе по значению к английскому слову «frontier». Этимологически оно связано с глаголом «крайти», диалектным вариантом «крайти», означаящим «кроить» (краями назывались обширные территории, расположенные на периферии России). Слово «край» все еще используется в названиях административных единиц, особенно у китайской границы*. И если сегодня слово «край» больше не употребляется в значении «граница», представление остается зафиксированным в некоторых словах, например, в названии страны — Украина, что буквально означает «у края» (России).

Заключение

Хотя традиционная наука склонна считать рубежи главным образом феноменом предшествующих эпох, который позднее сменяется границами (см. Prescott 1987), создается впечатление, что данный процесс, в результате которого начинает преобладать та или иная модель, не может быть просто объяснен историческим развитием государства или этнокультурной спецификой. Если русская концепция границы, как кажется, со временем преобразовалась из зональной в более линейную, то изменения в китайском этнокультурном регионе показывают, что обе модели могут существовать и сосуществовать.

Выше нами уже говорилось, что озабоченность России уровнем защищенности границ с Китаем, по существу, связана с увеличивающейся политической и экономической мощью последнего, а также что эти опасения, усиленные чувством заброшенности географически далеким центром, обостряются пониманием того, что российский Дальний Восток экономически и демографически слабее Китая**. В этом смысле, преобладание какой-либо одной из двух моделей в высшей степени зависит от контекста и может проявляться в процессе диалога не только с нацией по ту сторону границы, но и с малыми народностями, населяющими приграничные территории.

Отсюда следует, что границы с разными соседями могут восприниматься по-разному. И если граница России с Китаем рассматривается как несгибаемая линия, то другие российские границы, в особенности, с бывшими республиками Советского Союза, могут и не разделять по-

* Хотя и не только в них, например, Краснодарский край или Красноярский край.

** На самом деле, это чувство дистанции может указывать на продолжающуюся концептуализацию нации, как бы лучами исходящую из столицы.

добной негибкости. За последние два десятилетия граница России с Украиной, например, претерпевает постепенную трансформацию в «настоящую» государственную границу с таможенной инфраструктурой, таможенными постами, отрядами пограничников (Попкова 2001). Но, так или иначе, эта граница остается легкопроницаемой и, что особенно важно, не вызывает того беспокойства, которое наблюдается на российско-китайской границе*. По аналогии с этим, китайское видение северных границ с Россией может представляться во многом как нечто территориальное, но это совершенно не распространяется на другие границы Китая, в особенности, в районе Синьцзяня. В этой части страны, в противоположность воссозданию и «упаковыванию» в туристических целях русского архитектурного наследия, модернизация уйгурских городов не оставляет и следа от всякого напоминания о чужеземном присутствии. Это различие наблюдается также и в сфере общественных связей: если на китайско-российской границе больше китайцев говорит по-русски, чем русских — по-китайски, то в Казахстане и Кыргызстане китайские бизнесмены часто прибегают к посреднической и языковой помощи местных жителей (казахов и киргизов) (Бабакулов 2007).

В действительности, даже если исследователи, занимающиеся политической географией и международными отношениями, и относят понятие «рубеж» к чему-то устаревшему, уступившему место более линейному видению, некоторые действия государства свидетельствуют о том, что «рубеж» имеет более сложный и многогранный облик**. Это особенно заметно, когда речь идет о прибрежных водах: они считаются продолжением территории той или иной страны, но разграничение их вызывает значительные трудности из-за уклончивых и временами противоречивых определений. Поэтому, по причине существования оффшорных островков (некоторые из них во время приливов могут оказываться под водой) и подводной географии (например, определяющей

* Такое отношение, конечно, в высшей степени нестабильно. Вот почему в одной из недавних статей сообщается об усилившемся чувстве угрозы, исходящем от соседней Беларуси, в настоящее время занимающей 5-е место (и опередившей Иран, Ирак и Чечню) среди стран, которые могут представлять для России опасность (Смирнов 2011).

** Даже если граница и рассматривается как прямая линия, очень редко государство видит ее как нечто двумерное, скорее — как разграничительную линию бесконечной глубины и высоты. Действительно, одним из главных пунктов в земельных спорах является наличие (или предположение о наличии) в земле полезных ископаемых. По аналогии с этим, с началом воздушных перевозок и возникновением понятия воздушного пространства, границы нации также растянулись и вверх.

положение нации по отношению к континентальному шельфу) время от времени происходит наложение друг на друга зон владения, когда одна страна завладевает правами придонной рыбной ловли, а другая — правами добычи полезных ископаемых и отлова рыб, обитающих в данных водах (Prescott 1987: 24).

В заключение хочется выразить мнение о том, что, не рассматривая «границу» и «рубеж» как понятия взаимоисключающие, присущие тому или иному виду культуры или характеризующие тот или иной вид государственности, мы предполагаем их тесное сосуществование. Поэтому если современная русская или китайская терминология указывает на значительную вариативность концептуализации границы, очень важно обратить внимание на то, какую роль эта концептуализация, это понимание сыграли на разных этапах существования государства, на разных его территориях, и какие претерпевали изменения. Это убедительно продемонстрировал Павел Баев, говоря о России: когда «государство начинает терять некоторые свои части, границы объявляются святыми и неприкосновенными, но когда у государства появляется возможность присоединить какую-то часть к себе, границы сразу становятся легко-растяжимыми» (Баев 1996: 4, цит. по: Kuhrt 2007: 3).

Другими словами, «рубеж» — не просто феномен, на смену которому постепенно приходит «граница». Обе концепции отображают два разных по своей сути и находящихся в непрерывном движении восприятия *Себя и Других*. Даже после того, как рубежи «окаменели» и превратились в строгие линии границ, такие реликты, как Северный Вал Чингис-хана, часто накладывали отпечаток на географическую и социальную среду. Эти следы прошлых национальных и имперских инкарнаций, подобно отметкам уровня приливов, обрамляют приграничные зоны, в которых национальная идентичность и культурная система ценностей по заведенному порядку укрепляются, опровергаются и оспариваются.

Литература

Бабакулов У. Своими глазами. Великий Шелковый путь сегодня. Часть III. «Китаизация» // Фергана. Информационное агентство. 30.11.2007. [<http://www.ferghana.ru/article.php?id=5498>].

Дятлов В. Китайцы в Сибири: отношение общества и политика властей // Рабочие материалы московского Центра Carnegie. 1999. № 2.

Дятлов В. Россия: в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4.

Логвинчук А. Вал Чингис-хана — Государственная граница империи Айсинь Гурунь (Золотая Империя) // Наука и природа Дальнего Востока. 2006. № 2 [www.levking.ru/vals.htm].

Попкова Л.И. Этногеографическая ситуация в приграничных районах России и Украины (на примере Курской и Сумской областей), 2001. [http://www.erudition.ru/referat/ref/id.48838_1.html].

Смирнов С. Угрозы приближаются // Газета.ру. 14.07.2011. [www.gazeta.ru/politics/2011/07/14_a_3695649.shtml].

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. Москва: Просерпина, 1994.

Alexseev M. The Chinese Are Coming: Public Opinion and Threat Perception in the Russian Far East // PONARS Policy Memo. 2001. No 184. January.

Alexseev M.A. Immigration Phobia and the Security Dilemma: Russia, Europe, and the United States. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Baev P. The Russian Army in a Time of Troubles. Oslo: PRIO, International Peace Research Institute, 1996.

Batbayar T. Foreign Migration Issues in Mongolia // Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia. Ed. T. Akaha, A. Vassilieva. Tokyo: United Nations University Press, 2005.

Billé F. Faced with extinction: Myths and urban legends in contemporary Mongolia // Cambridge Anthropology. 2008. Vol. 28. No. 1.

Billé F. Cooking the Mongols / Feeding the Han: Dietary and ethnic intersections in Inner Mongolia // Inner Asia. 2009. Vol. 11. Pp. 231–256.

Carsten J. Borders, Boundaries, Tradition and State on the Malaysian Periphery // Border Identities: Nation and State at International Frontiers. Ed. T. M. Wilson, H. Donnan. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Crossley P.K., Siu H.F., Sutton D.S. Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China. Berkeley, CA: University of California Press, 1991.

Donnan H., Wilson T.M. Borders: Frontiers of Identity, Nation and State. Oxford: Berg, 1999.

Fairbank J. The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1968.

Fiskesjö M. On the "Raw" and the "Cooked" Barbarians of Imperial China // Inner Asia. 1999. Vol. 1. No. 2.

Foucher M. L'obsession des frontières. Paris: Librairie Académique Perrin, 2007.

Fravel M.T. Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict in China's Territorial Disputes. Princeton University Press, 2008.

Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2003.

Kuhr N. Russian Policy towards China and Japan: The El'tsin and Putin Periods. London & New York, NY: Routledge, 2007.

Lacan J. Écrits. Paris: Le Seuil, 1966.

Lahusen T. Harbin and Manchuria: Place, Space, and Identity. Durham, NC: Duke University Press, 2001.

Larin V. Chinese in the Russian Far East: Regional Views // Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia. Ed. T. Akaha, A. Vassilieva. Tokyo: United Nations University Press, 2005.

Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. Boston: Beacon Press, 1967.

Lomanov A. On the Periphery of the 'Clash of Civilizations?' Discourse and Geopolitics in Russo-Chinese Relations // China Inside Out: Contemporary Chinese Nationalism and Transnationalism. Ed. P. Nyíri, J. Breidenbach. Budapest: Central European University Press, 2005.

Nelson S.M. The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall. London and New York, NY: Routledge, 1995.

Pan J. Toward a New Framework for Peaceful Settlement of China's Territorial and Boundary Disputes. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2009.

Potter P.B. Theoretical and Conceptual Perspectives on the Periphery in Contemporary China // *The Chinese State at the Borders*. Ed. D. Lary. Vancouver: UBC Press, 2007.

Prescott J.R.V. Political Frontiers and Boundaries. London: Unwin Hyman, 1987.

Sahlins P. State Formation and National Identity in the Catalan Borderlands during the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Border Identities: Nation and State at International Frontiers*. Ed. T.M. Wilson, H. Donnan. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Simmons B.A. Rules over Real Estate: Trade, Territorial Conflict, and International Borders as Institution // *The Journal of Conflict Resolution*. 2005. Vol. 49. No. 6. Dec. Pp. 823–848.

Stephan J.J. The Russian Far East: A History. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.

Tu W. Cultural China: The Periphery as the Center // *The Living Tree: The Changing Meaning of Being Chinese Today*. Stanford: Stanford University Press, 1994.

Waldron A. The Great Wall of China: From History to Myth. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Wilson T.M., Donnan H. Nation, State and Identity at International Borders // *Border Identities: Nation and State at International Frontiers*. Ed. Wilson T.M., Donnan H. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Wishnick E. Migration and Economic Security: Chinese Labour Migrants in the Russian Far East // *Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia*. Ed. T. Akaha, A. Vassilieva. Tokyo: United Nations University Press, 2005.

Woodside A. The Centre and the Borderlands in Chinese Political Theory // *The Chinese State at the Borders*. Ed. D. Lary. Vancouver: UBC Press, 2007.

Zhang Zh. [张植荣]. 中国边疆与民族问题：当代中国的挑战及其历史由来 (Китайские приграничные районы и этнический вопрос: Трудности современного Китая и их историческое происхождение). Beijing: Peking University Press, 2005.